
Ольга Кирпичникова
Пропавшие из списков

Ольга Кирпичникова

Пропавшие из списков

https://litres.ru/74998322
SelfPub; 2026

Аннотация

Они не исчезают бесследно. Их просто вычёркивают из списков.

В обычной гимназии происходит что-то странное: девочки исчезают, а взрослые делают вид, что их никогда не было. Кира и Артём начинают собственное расследование — и быстро понимают, что канцелярская формулировка «переведено» скрывает нечто гораздо более зловещее.

Дневник пропавшей Лены даёт первые подсказки, но каждая новая находка делает ребят уязвимее: система стирает не только имена — она стирает причины помнить. И чем ближе Кира и Артём подбираются к правде, тем сильнее мир вокруг старается убедить их, что никакой правды нет.

История о том, как важно не забывать, даже когда всё вокруг требует забыть. Для поклонников напряжённой подростковой мистики и городских тайн. 16+.

Ольга Кирпичникова
Пропавшие из списков

«Пропавшие из списков»

Глава 1. Ночь архивов

В гимназии было тихо, но эта тишина не была спокойной. Она была такой, будто здание прислушивалось.

Кира листала папку, стараясь не шуршать бумагой слишком громко. На обложке выцветшими чернилами было выведено: *«Ученицы, 2011–2012 учебный год»*. Внутри — аккуратные списки, приказы, а в самом конце — одна строчка, от которой у неё похолодели пальцы: *«Переведено: Петрова А. (в школу № 14)»*. Только Кира точно знала, что школы № 14 в их городе никогда не существовало.

— Ты это видишь? — она подтолкнула папку к Артёму, который сидел напротив, подсвечивая страницы фонариком телефона.

Артём прищурился, потом достал свой блокнот и быстро записал: *«Петрова А. — «переведено» — школы № 14 нет»*.

— Это не ошибка, — сказал он. — Я в прошлом году делал проект по городской топонимике. У нас всего девять школ. Ни четырнадцатой, ни какой-то другой «новой» не было.

Кира перевернула страницу. Ещё одна фамилия. Ещё од-

но «переведено». И ещё. Три девочки за один год.

— В один год три перевода? — голос у неё дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. — В нашей школе максимум пять-шесть человек уходят за весь год. А тут три за один месяц.

Артём хмыкнул, но в его голосе не было насмешки:

— Значит, надо смотреть другие годы. Если это система — она повторяется.

Они начали вытаскивать папки по годам. 2007, 2003, 1998… И везде в конце списков мелькала одна и та же формулировка: *«Переведено»*. И почти всегда — девочки. Почти всегда — в октябре или ноябре.

Когда они дошли до папки 1989 года, Кира замерла. На внутренней стороне обложки кто-то вывел карандашом: *«Не буди то, что спит»*. Почерк был неровный, будто писали в спешке.

— Это уже не похоже на опечатку, — тихо сказал Артём. — Это предупреждение.

В этот момент в коридоре что-то щёлкнуло — будто кто-то резко закрыл дверь. Только все двери на этаже были открыты: ради «Ночи архивов» их специально оставили распахнутыми, чтобы старшеклассники не чувствовали себя запертыми.

Кира подняла голову и посмотрела в тёмный проём коридора. Там, где свет от их фонариков почти не доставал, мелькнуло что-то серое. Не фигура, не человек — скорее, искажение, как рябь на воде. Оно двигалось не само по себе,

а будто повторяло движение Киры: она повернула голову — и оно повернуло. Только с задержкой в полсекунды.

Она резко встала, и рябь исчезла.

— Ты видел? — прошептала она.

Артём медленно поднял взгляд от папки.

— Видел, — спокойно ответил он. — Но давай пока не будем называть это «призраком». Давай назовём это «аномалией, которую надо задокументировать».

Кира выдохнула. Ей стало чуть легче: Артём не отмахнулся, не посмеялся, но и не поддался панике. Он предложил систему.

— Записывай, — сказала она, доставая свой блокнот. — Время: 22:17. Место: коридор второго этажа, библиотека. Наблюдение: визуальная аномалия, похожа на искажение пространства, реагирует на движение, исчезает при резком изменении положения наблюдателя.

Артём записал, потом поднял глаза:

— И ещё одно. Я заметил, что эти тени… — он запнулся, подбирая слова. — Они появляются, когда мы называем фамилии из папок. В прошлый раз, когда ты сказала «Петрова», там, в углу, что-то шевельнулось.

Кира похолодела.

— То есть мы сами их вызываем?

— Не вызываем, — поправил Артём. — Мы их… активируем. Когда обращаем внимание.

В этот момент телефон у Киры завибрировал. Сообщение

от одноклассницы: *«Ты в библиотеке? Тут все ищут Лену. Она ушла туда полчаса назад и не вернулась»*.

Кира посмотрела на Артёма.

— Лена тоже копалась в архивах, — тихо сказала она. — Вчера она спрашивала меня про старые списки.

Артём захлопнул папку, но не резко, а очень аккуратно, будто боялся, что от хлопка что-то проснётся.

— Тогда идём искать, — сказал он. — И пока не называем фамилий. Вообще никаких.

Глава 2. Не найдена

К поискам Лены в восемь утра присоединилось ещё человек двадцать: класс, в котором она училась, волонтёры из старших параллелей, двое физруков и школьный психолог с перекошенным от бессонницы лицом. Гимназия стала похожа на штаб: в рекреации повесили листы «Увидела Лену — сообщи Стрельцовой», на каждом этаже дежурили учителя.

Ничего не нашли.

Обшарили спортзал — под трибунами только чей-то старый бахил и дохлая муха. Проверили раздевалки, актовый зал, подсобку при столовой, где уже никто не помнил, что хранили. В подвале пахло сыростью и бумагой, но было пусто — даже слишком: Кира краем глаза отметила, что коробок с архивами, которые неделю назад стояли у дальней стены, не было. Может, их забрали на оцифровку. Может.

— Телефон молчит с вечера, — сказала Вера Митрофановна, классная Лены. Голос у неё был ровный, но она держала ладонь у горла, как будто что-то там застряло. — Наверное, разрядился. Такое бывает.

Такое не бывает, подумала Кира. Лена заряжала телефон в каждой аудитории, у каждого розеточного удлинителя, была знаменита этим на весь параллель.

К обеду объявили официальную версию. Вера Митрофановна собрала их в актовом зале и сказала словами, которые Кира потом вспомнит точь-в-точь:

— Лена по семейным обстоятельствам перевелась. К бабушке. В другой город. Просила ничего не искать и не звонить.

Артём, сидевший рядом, очень аккуратно перестал дышать на полсекунды — и вернулся к дыханию, будто ничего не случилось. Но Кира видела: он уже записал. Пальцы под партой двигались — он писал на ладони, привычка с младших классов.

После уроков они не пошли домой. Сели в заднем ряду пустой рекреации, и Артём развернул запись:

— «Перевелась к бабушке», — прочитал он вслух и поднял глаза. — Я не знал, что у Лены есть бабушка. Никто не знал. Она жила с мамой, в доме номер восемь по Осенней, я мимо хожу каждый день. Мама работает в поликлинике. Бабушки в этой семье не появлялось с тех пор, как мы перешли в пятый класс, — а тогда на родительском собрании

были только мамы.

— Может, бабушка в другом городе, — сказала Кира, но голос её звучал неубедительно, и она это слышала.

— Может, — согласился Артём. — Тогда давай проверим, что за город. Проще некуда: в её профиле в соцсетях была в друзьях двоюродная сестра, из Челябинска, кажется. Но вот что интересно, — он развернул телефон. — Профиль Лены сегодня утром изменился.

Он был прав. Пропали три фотографии, пропали посты за прошлый год — целый год её жизни стёрся аккуратно, как будто её и не было. Осталось двадцать три поста. Кира считала их вчера, и в её блокноте стояло число двадцать семь.

— Кто-то зашёл в её аккаунт и почистил, — тихо сказала Кира. — Родители? Наоборот, они бы ничего не удаляли.

— Проверка покажет. А пока давай проверим другое.

Другое нашлось в журнале классного руководства — вернее, в его следах. Артём разузнал у завхоза, что документы «переведённых» оформляют у завуча, и от болтовни про уборку библиотеки вытащил одно неосторожное слово: завуч вчера весь день провела с одной папкой, а к вечеру уехала, не сдав её в архив. Кира представила, как завуч раскладывает на столе листочки с формулировками «переведено», и почувствовала, как затылок холодеет. Взрослые знали. Взрослые оформляли это по правилам, по порядку, с печатями. Значит, система не против них — система среди них.

На обратном пути, за три остановки до дома, они вышли

у Осенней — под предлогом «идти посмотрим на новую кофейню», в который никто бы не поверил. Дом номер восемь стоял с тёмными окнами. Во всех окнах, включая мамину комнату, где по вечерам всегда горел свет, — темнота.

Но у Лены в комнате, на третьем этаже, на подоконнике что-то лежало. Светлый прямоугольник.

— Дневник, — сказал Артём. — Она его оставила. На подоконнике. Ты просто так не оставляешь дневник на подоконнике.

— Если хочешь, чтобы его нашли, — закончила Кира.

Заходить в чужой дом без спроса они не могли — да и не собирались. Проблема решилась сама, самым обычным способом: у соседнего подъезда курила и звонила по телефону Ленина мама. Кира видела её впервые, но узнала по описаниям одноклассников: маленькая женщина в сером пуховике, которая говорила быстро и всё время смотрела в одну точку. Они подошли — просто, по-человечески: «Здравствуйте, мы из класса Лены, хотим спросить, можно ли помочь».

Женщина посмотрела на них так, будто они задали вопрос на иностранном языке. Потом медленно моргнула и сказала:

— Какой Лены? У меня нет дочери.

Мир не качнулся. Машины не остановились, сосед с ведром мусора прошёл мимо, никого не удивив. Ничего не произошло — и именно это было страшнее всего. Кира открыла рот — и закрыла. Артём положил ладонь ей на локоть: не сейчас, потом, в темноте, шаг назад.

— Извините, — сказал он ровно. — Мы, наверное, перепутали дом.

Уже отойдя, за углом, где жилые окна кончались и начинался пустырь, Кира присела на бордюр и смотрела на серый асфальт. Дыхание не слушалось.

— Ты слышала, — сказала она наконец. — У неё нет дочери. Она говорит это не как человек, который лжёт. Она говорит как человек, который правда не помнит.

— Да, — сказал Артём. Он сел рядом, положил блокнот на колени и очень аккуратно, будто боялся, что буквы расползутся, записал: «Мать не помнит дочь. Профиль почищен. Система не просто забирает — она правит память». — И ещё одно, — добавил он. — Если память правят у взрослых… то о нас с тобой тоже кто-то решил, что мы вообще ничего не заметили. Нам сейчас скажут, что Лены не было.

— А она была, — сказала Кира.

— Она была, — согласился Артём. — И дневник на подоконнике был. Вот только подоконник на третьем этаже, а попасть туда… — он поднялся и посмотрел в сторону дома. — Значит, надо не попасть. Надо, чтобы нам его отдали.

Вечером, уже дома, Кира получила сообщение. Отправитель не определился, номер был длиной в одиннадцать цифр, но область была их городская. Текст пришёл один — короткий, на белом экране, среди обычного шума уведомлений:

«Радуйтесь, что днём. Ночью правят по-другому».

Кира вышла из окна чата и снова открыла блокнот. На-

против вчерашнего заголовка «Ночь архивов: 22:17, коридор 2 этажа, аномалия» она написала новую строку:

«Человек, который видел больше нас, жив. И он боится за нас».

А потом достала листок с «Ночи архивов» — тот, где Лена вела учёт находок, аккуратно, столбиком, со своими пометками на полях. Лена была единственной, кто вёл учёт лучше Кириного. И на полях того листка, мелким, старательным почерком, стояла цифра «30» и рядом — полустёртое слово. Кира смотрела на него долго, пока буквы не сложились сами.

Слово было «срок».

Глава 3. Дневник Лены

Утро началось с того, что Кира не смогла найти свой блокнот. Не тот, в котором она вела расследование, а обычный школьный — с обложкой в клетку, где на форзаце были записаны пароли от всех кабинетов и расписание звонков. Он лежал на подоконнике, рядом с чашкой остывшего чая, и вдруг исчез. Кира обыскала комнату, заглянула под кровать, проверила рюкзак — ничего. А потом заметила: на столе, ровно по центру, лежал листок из того самого блокнота. Аккуратно вырванный, с ровной кромкой, будто его срезали лезвием. На нём — её вчерашние записи: *«Мать не помнит дочь. Профиль почищен. Система не просто забирает — она правит память»*. И внизу, красным фломастером, крупно, в два

раза крупнее её почерка: **«Не пиши этого»**.

Кира стояла и смотрела на листок, пока в коридоре не щёлкнул замок — вернулась мама. Она быстро сунула листок в карман, будто это была не улика, а что-то стыдное.

— Ты чего такая бледная? — спросила мама, скидывая куртку. — Опять всю ночь читала?

— Да, — сказала Кира, потому что это было проще, чем объяснять.

В школе всё было как всегда — и от этого становилось страшнее. Коридоры шумели, кто-то кричал «Сеня, стой!», кто-то спорил из-за очереди в столовую, а на доске объявлений висел привычный список дежурств. Только теперь Кира смотрела на него и думала: а если завтра чьё-то имя исчезнет? Просто вычеркнут, и никто не заметит.

Артём ждал её у шкафчиков. Без слов протянул телефон — на экране был скриншот из школьного чата. Сообщение от незнакомого номера, пересланное кем-то из параллели: *«Кто такая Лена? Вы о ком?»*. Под ним — пять реакций «огонёк» и три «смеха».

— Это не шутки, — сказал Артём. — Это как тренировка. Сначала они стирают из памяти у взрослых, потом — у одноклассников. Потом — у друзей. А потом ты остаёшься один на один с тем, кто помнит.

— И этот кто-то — мы, — тихо сказала Кира.

Они не пошли на первый урок. Вместо этого поднялись на третий этаж, к кабинету биологии — там, на широком под-

оконнике у окна, выходящего во двор, Лена всегда оставляла вещи, если опаздывала. И там, под стопкой старых атласов, Кира нашла то, что искала: потрёпанный блокнот в тёмно-синей обложке. На обложке — наклейка с кошкой и надпись «Не трогать, это личное».

— Он был там всё время, — прошептала Кира. — Кто-то положил его на видное место. Специально.

— Чтобы мы взяли, — кивнул Артём. — И чтобы никто другой не заметил.

Дневник Лены пах корицей и старыми книгами — Кира узнала запах: у Лены в рюкзаке всегда лежала пачка пряников. Страницы были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком, с кучей сокращений и стрелок. Первые записи — обычные: «физика — тест», «мама просила купить хлеб», «не забыть про фото для проекта». А потом, недели через две, тон менялся.

«Сегодня в библиотеке было тихо. Слишком тихо. Я подняла голову — и увидела тень. Она стояла у стеллажа и смотрела на меня. Но у неё не было лица. Просто тёмный силуэт, как будто кто-то вырезал человека из воздуха. Я моргнула — и её не стало. Или я просто захотела, чтобы её не стало».

Кира перевернула страницу. Дальше — схема библиотеки, стрелки, пометки. И фраза, обведённая трижды: **«Они повторяют за нами. Но не сразу»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.